

Набоковский рисунок ветряной мельницы XVII века

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА¹

Когда Владимир Набоков прибыл в Соединенные Штаты в 1940 году, чтобы начать в этой стране новую жизнь, он привез с собой, согласно его собственным воспоминаниям, цикл готовых лекций для ожидавшей его академической карьеры. Настоящая серия лекций о «Дон Кихоте» Сервантеса была, однако, написана им специально для прочтения в Гарвардском университете, в весеннем семестре 1951/52 учебного года, где во время отпуска на своей постоянной работе на факультете Корнеллского университета Набоков выступал в качестве приглашенного профессора.

Среди гарвардских общеобразовательных курсов, введенных в программу университета пятью годами ранее, были Гуманитарные науки-1, 2, причем первый семестр был посвящен эпической поэзии, преподававшейся специалистом по классической литературе Джоном Х. Финли-младшим, а второй — истории и теории романа (этот курс вел профессор Гарри Левин). Время от времени профессору Левину приходилось читать лекции на других факультетах, и для ведения курса

---

¹ Фредсон Бауэрс, американский библиограф, редактор американского издания «Лекций о „Дон Кихоте“».

Гуманитарные науки-2 его в нескольких случаях заменяли И. А. Ричардс, Торнтон Уайлдер и Владимир Набоков. Профессор Левин вспоминает, что в беседе с Набоковым о составляющих учебную программу произведениях он высказал мнение, что «Дон Кихот» является логической отправной точкой для обсуждения развития романа. Набоков так энергично поддержал эту идею, что взялся за подготовку цикла лекций о «Дон Кихоте» специально для гарвардского курса, за которыми должны были следовать его уже готовые корнеллские лекции по Диккенсу, Гоголю, Флоберу и Толстому. Свидетельств о том, что Набоков читал лекции по Сервантесу после своего возвращения в Корнелл, не сохранилось.

Набоков готовился к гарвардскому курсу и новым лекциям о «Дон Кихоте» с особой тщательностью. Представляется вероятным, что его первым шагом было написать обширный поглавный конспект всего романа. Учитывая, что его преподавательские методы в значительной степени опирались на цитирование изучаемого автора, конспект произведения состоял из собственно набоковского текста лекций и переписанных или аннотированных цитат, помеченных различными комментариями о сюжете, диалоге, персонажах и темах романа. В работе Набоков пользовался английским переводом «Дон Кихота» Сэмюэля Путнама, вышедшим в издательстве «Вайкинг пресс» в 1949 году и впоследствии воспроизведенным «Рэндом Хаус» в серии «Современная библиотека». Почти все постраничные ссылки в рукописи лекций относятся к этому изданию (не следует путать с сокращенной версией романа того же «Вайкинг пресс», о нежелательности

использования которой Набоков особо предупреждал своих студентов). Однако он называл приемлемым перевод «Дон Кихота», выполненный Дж. М. Коэном и выпущенный в мягкой обложке издательством «Пенгвин букс» в Англии в 1950 году.

Экземпляр путнамовского перевода, которым Набоков пользовался при работе над лекциями, не сохранился, но томик в мягкой обложке издательства «Пенгвин» хранится в семье писателя. Последний содержит карандашные линии, прочерченные Набоковым на полях напротив многих абзацев, но, к разочарованию редактора, только один или два комментария, как, например, вопрос «Победа? Поражение?» напротив главы девятой первой части или пометку «Начало герцогской темы» напротив главы тридцатой второй части. Неясно, был ли этот томик рабочим экземпляром Набокова (в этом случае у редактора могли бы возникнуть трудности с содержащимися в лекциях ссылками на страницы путнамовского перевода); но, к счастью, этот вопрос не актуален, так как пенгвиновский том почти не содержит пометок, а следовательно, не представляет интереса для редактора.

Раздел «Повествование и комментарий», который в настоящем издании следует за шестью формальными лекциями, воспроизводит набоковский оригинальный конспект романа, написанный и затем отпечатанный в удобной для ссылок форме. Внимательно изучив роман (то есть составив поглавный конспект), Набоков предпринял первую попытку подготовки собственно лекций. Рукопись свидетельствует, что вначале он предполагал сосредоточить анализ построения «Дон Кихота» на всеобъемлющей теме «побед и пораже-

ний». При изучении черновиков становится очевидным, что он успел написать значительную часть этой предварительной версии лекционного цикла.

Разрабатывая лекции, Набоков резюмировал многочисленные страницы из отпечатанного раздела «Повествование и комментарий» и во многом изменил их хронологический порядок, приводя их в соответствие с новой центральной темой. Рукописные страницы с разработанными, расширенными и детализированными комментариями связывали перераспределенный машинописный текст согласно тематической оси «побед и поражений». Лишь позже, после окончания этой первой версии лекций, в воображении Набокова сформировались более разнообразные тематические подходы, которые и образовали концепцию настоящих шести лекций, довлеющую и над хронологическим анализом первоначальных записей, и над простым противопоставлением *побед* и *поражений* как стержня повествования.

Для окончательного варианта этих шести лекций, прочитанных в Гарварде и ныне хранящихся в шести папках, Набоков вновь переписал начальную версию, извлекая — по мере необходимости — различные страницы из черновика о «Победах и поражениях», так же как и отдельные страницы из «Повествования и комментария». Он вычеркнул из машинописного текста не подлежащий использованию материал и включил оставшиеся страницы в окончательный вариант рукописи. Шестая глава, «Победы и поражения», была полностью переписана согласно новой концепции. Около сорока разрозненных страниц, почти пятая часть оригинальных записей, составляющих раздел «Повествование и комментарий», сохранились в отдельной папке

и не были включены ни в черновой, ни в окончательный текст лекций. При воссоздании оригинала «Повествования и комментария» для настоящего издания отпечатанные страницы (идентифицируемые по пагинации) были извлечены из отвергнутой Набоковым рукописи «Побед и поражений», а рукописные фрагменты были введены, по необходимости, в текст лекций или в раздел «Повествование и комментарий». Для восстановления отпечатанного материала (который Набоков удалил, внося необходимые фрагменты в текст лекций) были также использованы отдельные страницы из рукописи шести лекций. Так, представленный в настоящем томе раздел «Повествование и комментарий» состоит из собранных воедино разрозненных страниц оригинального текста с добавлением неиспользованных сорока страниц из отдельной папки. Утерянными оказались всего несколько страниц первоначальной версии.

При восстановлении оригинала данного раздела выявилось некоторое количество повторов как в комментариях, так и в цитатах, использовавшихся ранее в тексте шести лекций; такой материал был удален, с тем чтобы рассмотрение той или иной темы в разделе «Повествование и комментарий» носило исключительно расширительный характер по отношению к вопросам, трактуемым в лекциях. Подобное неизбежное редактирование материала повлекло за собой включение в текст нескольких связующих абзацев с целью придания логической последовательности цитатам, которые для Набокова служили лишь предварительными заметками для последующей разработки; более того, ряд цитат был расширен по причине их контекстуальной ценности, а несколько цитат добавлено для

удовольствия читателя. Чтобы заменить утерянные страницы и ради сохранения единства текста, в раздел «Повествование и комментарий» включено несколько кратких сюжетных аннотаций.

Сохранившиеся рукописи состоят из шести оригинальных набоковских папок, в каждой из которых содержится одна лекция и, в некоторых случаях, отдельные листы с заметками, которые можно рассматривать как результат раннего накопления материала. (Максимально возможное число этих заметок было введено в корпус лекций.) Длина лекций очень неодинакова, отчасти потому, что автор иногда вырезал часть текста посредством исключаящих скобок (ибо Набоков педантично соблюдал длительность лекции). Но, учитывая, что каждая из них занимала одинаковое время при прочтении, разное количество страниц указывает на то, что Набоков, вероятно, использовал при подготовке окончательного варианта лишь незначительную часть (возможно, только несколько предложений со страницы) ранее написанного материала. Окончательный текст всех лекций написан Набоковым от руки, за исключением разрозненных машинописных листов из ранней черновой версии, основанной на теме «побед и поражений». Первая лекция занимает около двадцати страниц, вторая — тридцать пять, третья достигает семидесяти одной страницы, четвертая насчитывает всего двадцать девять страниц, пятая — тридцать одну, а окончательная версия шестой лекции вместе с заключением составляет около пятидесяти страниц. В дополнение к этим папкам, содержащим в основном лекции в виде, в котором они были прочитаны, архив вмещает около 175 страниц разрозненных конспектов и обзорных замечаний и папку с пятнадцатью

страницами очень сырых заметок о подложной «Второй части Дон Кихота» Авельянеды.

Задача редактора свелась к попытке представить наиболее полную трактовку «Дон Кихота» Набоковым с его комментариями, выходящими за условные, связывавшие его рамки шести лекционных часов. В рукописи лекций Набоков так тщательно вымарывал действительно отвергнутые отрывки, что прочесть их не представляется возможным. В то же время он имел обыкновение заключать в скобки материал, который мог прочесть или опустить в зависимости от оставшегося времени, и при этом на поля часто выносил хронометрические пометки. Кроме того, используя страницы из оригинала «Повествования и комментария», Набоков мог провести диагональную черту по абзацу, подлежащему пропуску по причине временных ограничений или же потому, что он не имел непосредственного отношения к обсуждаемому вопросу. Редактор последовательно восстановил заключенный в скобки текст, руководствуясь мотивами, что текст составлял часть оригинальной рукописи, чаще всего был вполне уместен и мог быть прочитан, не будь Набоков ограничен часовым циферблатом. Дополнительный материал, удаленный Набоковым из разрозненных машинописных листов, был включен в текст лекций сообразно с контекстом, в особенности если уместной представлялась цитата из «Дон Кихота»; но большая часть удаленного материала была включена в раздел «Повествование и комментарий», которому этот материал и принадлежал изначально.

Обычно Набоков выписывал цитаты, которые намеревался прочесть в аудитории, но иногда он только указывал номера страниц в путнамовском переводе

«Дон Кихота». В этом последнем случае нельзя быть уверенным, открывал ли он книгу в классе, чтобы зачитать отрывок студентам, или же рекомендовал его для самостоятельного чтения. (Все цитаты приводятся в настоящем издании полностью.) Редактор с некоторой свободой отнесся к цитатам, расширяя в случае необходимости приводимый Набоковым отрывок или добавляя соответствующие цитаты в тексте или подстрочных примечаниях, чтобы проиллюстрировать набоковские ремарки в лекции. В целом настоящее издание лекций следует структуре и порядку их расположения в окончательной версии Набокова, за исключением оговоренных выше цитатных расширений, в особенности если они собственноручно рекомендованы Набоковым в отсылках. Однако первая глава в настоящем издании, хотя она далеко не синтетична, сохранилась в менее строгой форме, чем остальные лекции, и восстановлена не только по оригиналу, но и посредством вставок комментариев и ремарок с отдельных страниц, распределенных между папками, но не имеющих к ним непосредственного отношения.

Принимая во внимание, что окончательный вариант лекций посвящен различным темам и не рассматривает события в романе в хронологическом порядке, раздел «Повествование и комментарий» может помочь читателям составить целостное впечатление о романе Сервантеса, являясь пересказом сюжета, перемежаемым набоковскими экспозициями и анализом, не нашедшим места в тексте лекций. Таким образом, этот раздел должно воспринимать как неотъемлемую часть настоящего издания, включенного в том не только для понимания набоковской трактовки «Дон Кихота» как произведения искусства, но и с более прозаической

целью — восстановить в памяти людей, давно не открывавших роман Сервантеса, события, о которых Набоков только упоминает в своих лекциях. Следует надеяться, что этот аннотированный конспект романа не помешает людям, заинтересовавшимся лекциями и не читавшим «Дон Кихота», открыть для себя эту книгу, этот великий опыт мировой литературы.

Наконец, краткое приложение с выдержками из «Смерти Артура» и «Амадиса Галльского» воспроизводит машинописный текст, использовавшийся при подготовке mimeографических оттисков, которые Набоков раздавал своим студентам, с тем чтобы они могли ознакомиться с некоторыми фрагментами классических рыцарских романов, которые читал и которым стремился подражать Дон Кихот.

Фредсон Бауэрс

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

«Я вспоминаю с восторгом, — сказал Владимир Набоков в 1966 году Герберту Голду, приехавшему в Монтре брать у него интервью, — как разодрал „Дон Кихота“, жестокую и грубую старую книжку, перед шестьюстами студентами в Мемориальном зале, к ужасу и замешательству некоторых из моих более консервативных коллег». Да, он ее разодрал, и по вполне обоснованным критическим причинам, но он и собрал ее воедино. Шедевр Сервантеса не входил в программу набоковских лекций в Корнелле, Набоков, очевидно, не особо жаловал эту книгу, и, начав подготовку к гарвардскому курсу (университет настоял, чтобы «Дон Кихот» вошел в программу лекций), он в первую очередь обнаружил, что американские профессора на протяжении многих лет облагораживали «жестокую и грубую старую книжку», обратив ее в благонравный и причудливый миф о видимости и реальности. Так, Набокову предстояло открыть для студентов текст, очистив его от ханжеского вздора, наслонившегося на роман в ре-

---

¹ Автор предисловия — Гай Дэвенпорт, американский поэт, эссеист, переводчик, художник-иллюстратор. Автор книг «Татлин!», «Велосипед да Винчи», «География воображения», «Дневник Балгуса», а также переводов из Сафо, Анакреона, Гераклита и Архилоха.

зультате длительной традиции неверного прочтения. Новое прочтение книги Набоковым — событие в современной литературной критике.

Намерению Набокова подготовить к изданию лекции, прочитанные в Гарварде в 1951/52 учебном году и в Корнелле с 1948 по 1959 год, не суждено было осуществиться, и тем из нас, кому не довелось быть среди «шестисот молодых незнакомцев», слушавших курс Гуманитарные науки-2 в Гарварде во время весеннего семестра 1951/52 года, придется читать лекции Набокова о Сервантесе по записям, сохранившимся в папках манильской бумаги, скрупулезно и блестяще отредактированным Фредсоном Бауэрсом, крупнейшим из американских библиографов.

Мемориальный зал Гарвардского университета, где Набоков читал эти лекции, — помещение для них настолько же символичное, насколько и удовлетворяющее запросам самого изощренного сатирика. Это безвкусная викторианская громада, которая, как уверял бы нас янки из Коннектикута Марка Твена, и есть то самое дутое нагромождение средневековой архитектуры, которое привиделось ему во сне. Здание было спроектировано как «пилотный» образец стиля университетской готики в 1878 году Вильямом Робертом Вейром и Генри ван Брантом для увековечивания памяти солдат, убитых на Гражданской войне донкихотствующими конфедератами. Что могло быть более сообразным этому зданию, словно выросшему из образов сэра Вальтера Скотта и Джона Рёскина, этой абсолютно донкихотской архитектурной риторике, чем лекции Набокова, тонкого ценителя смехотворных жестов и едва уловимых нюансов, открывающего нам глаза на историю хитроумного пожилого идадьго из Ламанчи?

Однажды, когда я преподавал «Дон Кихота» в университете Кентукки, один из студентов поднял длинную баптистскую руку и поведал, что он пришел к заключению, будто герой нашей книги безумен. Это, сказал я, вопрос, вызывающий споры на протяжении вот уже четырехсот лет, и теперь мы, сидя в этом уютном чистеньком классе осенним днем, можем попытаться его разрешить. «Ну, — пробормотал он с некоторым неудовольствием, — мне сложно поверить, что они могли написать целую книгу о помешанном». Употребленное им местоимение *они* совершенно справедливо. Роман, который Набоков так ловко разодрал в Гарварде, — это книга, развившаяся *из* текста Сервантеса, так что сегодня, при упоминании «Дон Кихота» в любом разговоре, возникает вопрос: о чем именно Дон Кихоте идет речь? Мишле? Мигеля де Унамуну? Джозефа Вуда Кратча?

Ибо персонаж Сервантеса, подобно Гамлету, Шерлоку Холмсу и Робинзону Крузо, начал удаляться от своей книги почти сразу после того, как был придуман. Происходила не только последовательная сентиментализация Дон Кихота и его неразлучного спутника, Санчо Пансы, — милый, очаровательно одурманенный Дон Кихот! комичный Санчо, такой живописный, такой уравновешенный селянин! — но и искажение текста его иллюстраторами, в особенности Гюставом Доре, Оноре Домье (а ныне Пикассо и Дали), его апологетами, подражателями, инсценировщиками, всеми любителями слова *донкихотский*, которое в настоящее время может означать все, что душе угодно. Ему следовало бы означать нечто вроде «галлюцинирующий», «самозавороженный» или «игра — в столкновении с реальностью». Как случилось, что слово это стало синонимом

«восхитительно идеалистичного», — пытается объяснить Набоков в своих лекциях.

Чтобы вернуть сервантесовского Дон Кихота в текст Сервантеса, Набоков (подталкиваемый необходимостью этого шага после прочтения стопки работ американских критиков с их смехотворно безответственным пересказом книги) в первую очередь составляет поглавный конспект романа, любезно воспроизведенный в настоящем издании профессором Бауэрсом. Тщательность этого конспекта способна пристыдить учителей, ознакомившихся с «Дон Кихотом» всего неделю назад и читающих самодовольно-поверхностные курсы по всей стране, тех, кто сами не открывали книгу с той поры, как были студентами-второкурсниками, тех, кто не читал второй части романа или же (я знал одного такого преподавателя) вовсе не заглядывал в книгу. Ведь «Дон Кихот», как выяснил Набоков с некоторой болью и досадой, вовсе не та книга, какой ее представляют себе люди. Слишком много *вставных новелл* (из разряда тех, о которых мы охотно забываем и которые искажают «Записки Пиквикского клуба») препятствуют развитию бессюжетного сюжета. Мы переписываем книгу в уме как последовательность эпизодов из плутовского романа: восприятие таза цирюльника как Мамбринова шлема, нападение на ветряные мельницы (ставшее архетипичной квинтэссенцией книги), битва с овцами и так далее. Многие люди, совершенно незнакомые с текстом, могут предоставить вам приемлемый пересказ сюжета.

При подготовке к лекциям Набоков неустанно замечал, что книга вызывает жестокий смех, и это верно воспринимаемая реальность романа. Сервантесовский старик, начитавшийся рыцарских романов до умопомешательства, и его дурно пахнущий оруженосец были

созданы, чтобы служить мишенью для издевок. Довольно скоро читатели и критики стали обходить эту испанскую веселость и интерпретировать книгу Сервантеса как иную разновидность сатиры: историю о том, как в грубом и неромантическом мире безумцем может восприниматься только здравомыслящий и гуманный человек.

Вопрос это не простой. Испания, традиционно не приемлющая чужаков, не умеет (подобно, к примеру, Китаю или Соединенным Штатам) их ассимилировать. При жизни Сервантеса в стране происходили истерические гонения на евреев, мавров и новообращенных христиан иудейских и мусульманских корней. Еще долго после того, как в Римской империи были запрещены гладиаторские бои на арене, они (к удовольствию публики) сохранялись в Испании. Национальное зрелище, бой быков, даже сегодня выделяет Испанию среди цивилизованных народов. Исторические обстоятельства создания «Дон Кихота», то есть царствование Филиппа II, параноидального фанатика, Наикатоличейшего короля, по его собственному определению, — это время, которое мы посеребрили лунным светом рыцарского романа. Набоков читал лекции о «Дон Кихоте» в оранжее испанского романтизирования. Лоуэлл и Лонгфелло выдумали Испанию, застрявшую в американском сознании (как свидетельствует мюзикл «Человек из Ламанчи») и которую, к сожалению, пытаются отыскать толпы американских туристов.

И все же в некотором смысле Испания Филиппа II была донкихотской. Ее дворяне хранили рыцарские доспехи, в которых, однако, не решился бы вступить в бой ни один всадник. Филипп, прагматичный и сварливый король-невротик, имел привычку выставлять

свои рыцарские доспехи на плацу для смотра войскам. Сам он находился во дворце, среди роскошных полотен Тициана, ведя счета, читая и помечая каждое письмо, посланное или полученное от посольств и доносчиков, сеть которых простиралась от Нового Света до Вены, от Роттердама до Гибралтара. Он, если мы займемся поисками прототипов, и есть Дон Кихот, но он — анти-Кихот. Подобно Дон Кихоту, он жил во сне, то и дело прорывая его иллюзорную ткань. Он сжигал еретиков на кострах, но как вы отличите еретика от не-еретика? Не пребывал ли он в той же гносеологической теплице, что и Дон Кихот, видя в овцах овец, но также и мавров? Жестокие шпионы Филиппа тащили к палачам людей, твердивших, что они — добрые католики, по подозрению, что они были (если вы знаете, как их отличить) неискренними новообращенными, гуманистами, протестантами, евреями, мусульманами, атеистами, ведьмами или еще бог знает кем.

Европа переживала время, когда «реальность» начинала внезапно и резко меняться. Гамлет мучил Полония изменчивыми формами облаков. Способность Дон Кихота одурачивать самого себя — средоточие волнений века. Личность, впервые в европейской истории, стала вопросом мировоззрения или убеждений. Смех Чосера над «свинными костями» не был выражением скептицизма по отношению к истинным реликвиям, достойным поклонения. Однако в «Дон Кихоте» отождествление лошадиного корыта и крестильной купели ставит серьезный вопрос (независимо от того, входило ли это в намерения Сервантеса), не станет ли то, что мы именуем крестильной купелью, обычным корытом для воды, стоит нам освободиться от донкихотской магии, которую мы ему приписываем.

Кажется, что с течением лет замысел и значение «Дон Кихота» исказились на ветрах Просвещения и книга гордо продолжила плавание под ложными знаменами, которые мы с величайшей готовностью ей навязали. Вот то, что сделало суждения Набокова столь строгими. Он хотел, чтобы книга оставалась самой собой, сказкой, художественным построением, независимым от мифа «реальной жизни». И тем не менее «Дон Кихот» — именно та книга, которая заигрывает с «реальностью». Это, в известном смысле, трактат о волшебстве, о неуместности чар в разочарованном мире и о глупости колдовства в целом. Несмотря на это, книга околдовывает. Она стала благодаря привнесенным искажениям и нашему сотрудничеству тем, что призвана была высмеивать.

Набоков, проницательный наблюдатель и знаток американской души, знал, что все шестьсот гарвардцев в его аудитории верят в рыцарей, так же как они верят в Дикий Запад с его странствующими ковбоями и в готическую архитектуру Мемориального зала. Он не стал тратить времени, чтобы освободить их от иллюзий; напротив, он весело сказал им, что от *него* они не услышат ничего о Сервантесе, его времени или его недостающей левой руке (потерянной в битве при Лепанто). Вместо этого он настаивал, чтобы студенты знали, что такое ветряная мельница, и рисовал им ее на доске, называя им ее части. Он объяснял им, почему сельский идальго мог принять ветряные мельницы за гигантов, — они были новшеством в Испании XVII века, последней из стран Европы, куда доходили достижения прогресса.

Он очень ясно и светло и очень забавно говорит о Дульсинее Тобосской. Но он не распыляет внимания

студентов рассуждениями на тему рыцарской любви, не распространяется о ее странных исторических метаморфозах и любопытных пережитках в современности. Если при чтении этих тщательно продуманных и концептуально новых лекций часть его сознания, несомненно, находилась в университетском музее, что в четырех минутах ходьбы от Мемориального зала, где он провел восемь лет предыдущего десятилетия как научный сотрудник-энтомолог, изучающий анатомию бабочек, то другая часть его сознания могла быть занята замыслом книги о рыцарской любви, ее безумствах и безрассудстве, замыслом, который в течение трех лет разовьется в «Лолиту». Эта уменьшительная форма испанского имени Долорес вызывает любопытство. «Лолита» — слишком логическое развитие набоковских тем (двойничество, творческая сила иллюзий, взаимодействие рассудка и наваждения), чтобы на нее могло повлиять пристальное и утомительное прочтение «Дон Кихота». И все же есть нечто плутовское и загадочно общее в «гармонизирующей интуиции» двух этих книг. И есть русалка по имени Лолита. Она возникла как обольстительный ребенок, как первое воплощение романтической любви на Западе, как мальчик или девочка, как любимицы Сафо или юноши Анакреона. Платон в философских построениях обратил это безнадежное чувство в нечто, именуемое любовью к Идеальной Красоте. Эта тема стала непристойной и самодовлеющей в свинцовых руках римлян и почти растаяла в раннем Средневековье, чтобы вновь возникнуть в X веке в виде рыцарского романа. Ко времени Сервантеса рыцарская любовь пропитала литературу (как происходит это и теперь), и в своей сатире, замешанной на теме рыцарства, Сервантес счел возможным преобразовать

классический образец добродетели и красоты в крестьянскую девушку с большими ступнями и выдающейся бородавкой.

«Дон Кихот» не оказал ни малейшего воздействия на развитие романтической литературы, но он ввел устойчивую параллельную традицию, развивавшуюся с тех пор наряду с романтическим направлением. Рядом с Ричардсоном встал Филдинг. Мы сохранили идеальную красоту, но в доме по соседству живет госпожа Бовари. Скарлет О'Хара и Молли Блум — обе пылкие ирландки — вызывают в нас одинаково сильные переживания. Даже в старинных рыцарских романах, с самого их появления, добродетельная красавица уравновешивается колдуньей, Уна — Дуэссой. После «Дон Кихота» иллюзорная красота становится интересной сама по себе, словно Ева отвоевывает свои древние права искусительницы. К концу семнадцатого — началу восемнадцатого века она утвердилась как в литературе, так и в жизни. Чтобы предстать перед французским королем, заметил Мишле, вам надо было продираться через толпу женщин. Любовница стала определенного рода общественным институтом; в литературе утвердилось, что она требовательна и опасна, но более интересна и лестна, чем жена: ритуальная деталь рыцарских романов, которую «Дон Кихот» предположительно заковал в кандалы. Во времена перзрелого декаданса любовница стала прямой Лилит, первородной феминной в кружевной ночной сорочке, дымящейся роком, проклятием и смертью. Лулу, называл ее Бенджамин Франклин Ведекинд. Молли, сказал Джойс. Цирцея, сказал Паунд. Одетт, сказал Пруст. И из этого хора Набоков выбрал свою Лолу, Лолиту, чье настоящее имя было почти суинберновским, Долорес, роднящим ее

с кухнями Алисой (Набоков перевел на русский «Алису в Стране чудес»), Розой Рёскина и Аннабель Ли Эдгара По. Но ее бабушкой была Дульсинья Тобосская. А еще вспомним, что некий профессор представляет нам воспоминания Гумберта Гумберта как бред сумасшедшего.

Таким образом, предложенные в настоящем издании лекции не лишены интереса для почитателей набоковских романов. И Сервантес, и Набоков осознают, что игра может перерасти детство не только в виде снов наяву (которые находят столь подозрительными и осуждают психиатры) или разнообразной творческой деятельности, но и в форме самой игры. Именно этим и занимается Дон Кихот: он играет в странствующего рыцаря. Лолитина сторона отношений с Гумбертом Гумбертом — игра (она удивлена, что взрослые интересуются сексом, для нее это всего лишь еще одна забава), а Гумберт (безо всяких отсылок к теориям Фрейда), возможно, просто застрял в воспоминаниях о детских играх. В любом случае, доведись критику рассматривать плутовской роман или литературную трактовку иллюзии и индивидуальности, он вспомнит Сервантеса и Набокова вместе.

Лекции по Сервантесу стали триумфом для Набокова в том, что, как мне кажется, он сам удивился своим заключениям о «Дон Кихоте». Он добросовестно подошел к делу, несмотря на то что считал эту старую избитую «классическую» книгу совершенно никчемной и полной фальши. Именно подозрение в поддельности подогрело его интерес. Затем, думается, он осознал, что фальшь кроется в репутации книги и носит характер эпидемии среди ее критиков. Именно такое положение вещей и не собирался терпеть Набоков. Потом

он начал находить известную симметрию в расплывающемся хаосе романа. Он стал подозревать, что Сервантес не знает об «отвратительной жестокости» книги. Ему начинает нравиться сдержанный юмор Дон Кихота, его обаятельная педантичность. Он воспринимает «интересный феномен», что Сервантес создал персонаж, превосходящий размерами книгу, из которой он и переключался в искусство, в философию, в политическую символику, в литературный фольклор.

«Дон Кихот» остается грубой старой книгой, полной типично испанской жестокости, безжалостной жестокости, язвущей старика, играющего в своем слабоумии как ребенок. Она написана в эпоху, когда карлики и больные вызывали смех, когда гордыня и надменность были высокомернее, чем когда-либо раньше или позднее, когда на городских площадях ко всеобщему воодушевлению живьем сжигали на кострах еретиков, когда милосердие и доброта, казалось, изгнаны навек. Действительно, первые читатели книги искренне смеялись над ее жестокостью. Вскоре, однако, мир нашел пути читать ее по-иному. Она породила современный роман во всей Европе. Филдинг, Смоллетт, Гоголь, Достоевский, Доде, Флобер скроили эту испанскую сказку на свой манер. Персонаж, который в руках своего создателя начинал как шут, в течение веков стал святым. И даже Набоков, всегда скорый на расправу с любой жестокостью, скрывающейся под маской сентиментальности, отпускает его на свободу. «Мы более не смеемся над ним, — заключает он. — Его герб — жалость, его знамя — красота. Он олицетворяет все благородное, одинокое, чистое, бескорыстное и доблестное».

Гай Дэвенпорт

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Фредсон Бауэрс. Предисловие редактора</i>	
<i>Перевод М. Дадына</i>	5
<i>Гай Дэвенторт. Предисловие. Перевод М. Дадына</i>	14

ЛЕКЦИИ О «ДОН КИХОТЕ»

<i>Введение. Перевод Г. Дашевского</i>	27
<i>Два портрета: Дон Кихот и Санчо Панса</i>	
<i>Перевод Г. Дашевского</i>	43
<i>Композиция. Перевод Г. Дашевского, Н. Кротовской</i>	61
<i>Жестокость и мистификация. Перевод Н. Кротовской</i>	96
<i>Тема летописцев, Дульсинея и смерть</i>	
<i>Перевод Н. Кротовской</i>	131
<i>Победы и поражения. Перевод Н. Кротовской</i>	151
<i>Повествование и комментарий. Часть первая (1605)</i>	
<i>Перевод Н. Кротовской</i>	186
<i>Повествование и комментарий. Часть вторая (1615)</i>	
<i>Перевод Н. Кротовской</i>	258
<i>Приложение. Перевод И. Бернштейн, М. Дадына</i>	348
<i>Примечания. Составил Фредсон Бауэрс</i>	
<i>Перевод Н. Кротовской</i>	360